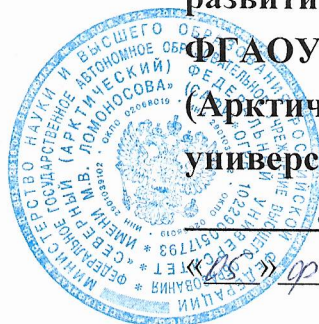

УТВЕРЖДАЮ

**Первый проректор по стратегическому
развитию и науке**

**ФГАОУ ВО «Северный
(Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова»**

 Б.Ю. Филиппов

«28» февраль 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» о диссертации Загуменнова Александра Владимировича на тему «Русская языковая личность первой половины XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации (на материале разножанровых текстов эпохи)». представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.01 – Русский язык и 10.02.19 – Теория языка

В наше время, когда изучение языка в антропологическом аспекте находится в стадии интенсивного развития, выясняется, что многие понятия, которые используются исследователями, не получили четких определений, а методы изучения конкретного материала зачастую не имеют ясного обоснования, отдельные приемы и процедуры анализа нередко используются фрагментарно, бессистемно. Очевидно, названные вопросы методологического характера являются актуальными, поскольку от их решения зависит достоверность получаемых исследователем знаний. Данная ситуация сложилась как в синхронном, так и в диахронном языкознании. В исторических исследованиях она, возможно, выражена даже ярче, частично это объясняется тем, что в последнее время сам объем работ несравненно меньше, чем в синхронном языкознании, значит, исследовательское, а соответственно, и дискуссионное поле оказывается суженым. Именно с одним из таких сложных теоретических вопросов связано историческое

исследование А.В. Загуменнова, поэтому *актуальность* поставленных в нем теоретических вопросов не вызывает сомнений.

Более того, обращение А.В. Загуменнова к изучению языковой личности русских авторов первой половины XVII века, свидетельствует об актуальности существенного частного вопроса, недостаточно разработанного в диахронном языкознании и требующего решения, – вопроса о специфике моделирования языковой личности отдаленной исторической эпохи. Наконец, подчеркнем, что в настоящее время в русистике работы по лингвоперсонологии рассматриваемого периода, одного из сложных и противоречивых в русской истории, отсутствуют. Все сказанное свидетельствует о том, что диссертационное исследование А.В. Загуменнова находится в кругу *актуальных проблем* как теории языка, так и русистики.

Если говорить в целом, то оригинальность и глубина рецензируемого исследования видится в подходе, избранном автором, как к решению теоретических вопросов, так и к анализу материала.

С одной стороны, рассматривается становление используемых в работе теоретических понятий, начиная с первых лет XIX века до наших дней. Тем самым углубляется время обращения ученых к понятиям, связанным с теорией языковой личности, раскрываются терминологические изменения и переосмысления в течение названного периода, уточняются источники появления некоторых теоретических понятий, что связано с изучением трудов классиков, не попавших в поле внимание ранее. Анализ работ по филологии, философии, литературной критике, лингвистике ученых XIX – XXI веков, выявление многих незамеченных современными исследователями положений, рассмотрение их как единого поля под избранным углом зрения свидетельствует не просто о бережном отношении к трудам предшественников, а об активном использовании историографического описания в подготовке теоретического осмысления разрабатываемой темы. Это способствует оформлению лингвоперсонологии как дисциплины, демонстрирует

перспективный эпистемологический подход, раскрывающий динамику частного лингвистического вопроса.

С другой стороны, значительный по объему материал анализируется строго в соответствии с предлагаемой моделью, отображая единство подхода и подготавливая частные наблюдения и выводы к сопоставлению результатов, полученных на основе разных текстов или их групп. Организации анализа материала, выявленного у авторов XVII века, помогает его структурирование в соответствии с тем потенциалом, которым обладают привлекаемые единицы на каждом уровне анализа.

Таким образом, *новизна* и *ценность* диссертации состоит, во-первых, в том, что автор, разрабатывая свой вариант модели языковой личности, раскрывает историческое становления теории вопроса, в том числе впервые вовлекает в контекст теоретических размышлений труды А.С. Шишкова, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, К.С. Аксакова, Н.В. Крушевского, Г.Г. Шпета, И.А. Мельчука. Во-вторых, тем, что последовательно ориентируясь на созданную модель, осуществляет комплексный и скрупулезный анализ большого корпуса единиц, извлеченных из ранее не исследуемых текстов и рассмотренных в качестве сигнальных элементов при моделировании языковой личности.

В *первой главе* диссертации А.В. Загуменнов рассматривает становление понятия «языковая личность», при этом концепция, изложенная в трудах В.В. Виноградова, признается им как «некоторая оформленная вершина бытовавшего ранее фонда научных сведений» (с. 17). В связи с этим автор раскрывает методику поэтапного формирования перечня научных текстов, которые непосредственно предшествуют «вершине» или отделены от нее временными отрезками, но должны быть включены в описание истории формирования понятия «языковая личность». Этот ход представляется интересным, так как позволяет очертить эпистемологическое пространство на базе определенным образом связанных научных текстов, не

только трудов, предшествующих взятой за точку опоры «вершине», но и последующих.

В этой же главе детально описывается формирование в анализируемом временном отрезке понятий о типе личности и типе сознания, об организации процессов понимания и говорения, о возможности использования герменевтических идей в теории и в моделировании языковой личности и т.д. Раскрывается связь и различия позиций ученых разных поколений, отмечается неравномерность обращения исследователей к отдельным понятиям и различная степень их сформированности. Так, например, уже в первой половине XIX века, отмечает А.В. Загуменнов, словосочетания *поэтическая личность – поэтическое сознание* в текстах ученых обнаруживаются, а *языковая личность – языковое сознание* не встречаются. В поисках исторической даты возникновения и истолкования понятийной пары *сознание – личность* автор обращается к трудам А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого, Г.Г. Шпета, В.В. Виноградова и др., отмечая своеобразие каждого учения, обнаруживая противоборство некоторых идей и общность других. Если использовать слова С.Д. Кацнельсона, то можно сказать, что это позволяет А.В. Загуменнову через скрупулезный анализ истории показать персонифицированную и драматизированную теорию языковой личности.

Аналогичный подход автор использует при обсуждении вопроса моделирования в лингвоперсонологии, опираясь на поступательную разработку в истории науки таких общенаучных понятий, как мышление, сознание, понимание, деятельность. А.В. Загуменнов при этом не оставляет в стороне от обсуждения попытки ученых XIX века (А.С. Шишкова, Ф.Е. Корша, Н.М. Карамзина и др.) представить модели и типы языковых личностей. Но о таких моделях автор говорит лишь как «о прототипах тех построений, которые значительно позже зафиксированы в научных трудах двадцатого столетия» (с. 36). Обращаясь к трудам ученых разных направлений, А.В. Загуменнов критически анализирует их, выделяет существенные положения,

одни из которых признает опорными, важными для включения в теоретическую базу исследования, а с другими полемизирует. На таком широком фоне А.В. Загуменнов предлагает свою модификацию модели языковой личности, приемлемую для применения к материалу текстов первой половины XVII века (с. 57).

Таким образом, учитывая герменевтические, феноменологические и лингвистические разработки предшественников, автор диссертации убедительно обосновывает включение в структуру модели компонентов, отражающих специфику диахронического аспекта лингвоперсонологии.

Сильной стороной модели, с нашей точки зрения, является то, что автор, объясняя выделенные в ней компоненты, опирается на данность, которой располагает историк языка. Так, А.В. Загуменнов предлагает обозначить *фрагментарно-языковой сектор* (вместо «грамматикона» личности – по Ю.Н. Караулову), что обусловлено нередко отсутствием всего объема дошедших памятников или наличием в них однотипных грамматических фактов, которые не позволяют выявить роль создателя текста. Выделяя *актуально-тезаурусный сектор*, А.В. Загуменнов подчеркивает, что исследователь должен учитывать оппозицию актуального / потенциального тезауруса и поэтому сосредоточиться лишь на той частью информации, которая непосредственно представлена автором текста и которая должна считаться важной для него. Наконец, компонент *поведенческий сектор* вновь обращает к тексту, в том числе «вторичных» (к тексту о тексте), к пространству фиксируемых в нем фактов, поскольку поведение истолковывается как определенная последовательность знаков, отражающая в той или иной мере характеристики личности (А.М. Пятигорского, Б.А. Успенского). Тем самым исследователь отказывается от не слишком содержательного для исторических исследований мотивационного уровня модели (по Ю.Н. Караулову). Кроме того, А.В. Загуменнов вслед за Г.И. Богиным и Г.П. Щедровицким вводит несколько параметров («поясов»), связанных с необходимостью учесть условно-динамичные составляющие субъекта –

эйдолологический пояс, коммуникативно-соотносительный и системно-организующий пояса.

Вторая глава начинается с обсуждения теоретико-понятийного аппарата, используемого при реконструкции русской языковой личности изучаемого периода. Обоснованные в конце первой главы компоненты модели как условно-статические называются здесь узлами, которые рассматриваются с учетом возможности их трансляции, коммуникации и интерпретации или, как пишет исследователь, «каждый статический факт обволакивается потоками актов реконструируемого и реконструирующего сознаний» (с. 63). В первом же параграфе этой главы аргументируется выбор языковых единиц анализа и тот объем информации, который может быть связан с характеристикой языковой личности, благодаря интерпретации материала исследователем, в том числе и с учетом сведений, полученных из других (вторичных) источников XIX века.

В следующих трех параграфах исследователь на основе предложенной модели демонстрирует реконструкцию языковых личностей, привлекая тексты представителей разных сословий. Общий вывод А.В. Загуменнова о том, что «при диахроническом сравнительно-сопоставительном исследовании может выступать не вся языковая система целиком, а ее фрагмент, определенный набор элементов, которые оказываются «сигнальными», ключевыми для моделирования» (с. 169), правомерен и объективно определяется состоянием текстов и языка отдаленных эпох. Другое дело, что требуются теоретические усилия и интуиция исследователя, чтобы эти ключевые элементы были установлены. А.В. Загуменнов удачно нашел их: сложные слова, предложения с пояснительными отношениями, паремии и образно-символические структуры. Каждая единица обладает значительным коммуникативно-когнитивным и историко-культурным потенциалом, раскрывая который исследователь обосновал их внутреннюю взаимосвязь и глубинную деривацию.

Таким образом, представленная А.В. Загуменновым модификация модели языковой личности для диахронического исследования и успешная ее проверка на значительном материале свидетельствует о жизнеспособности выдвинутых автором положений и тем самым вносит *теоретический вклад* в развитие методов лингвоперсонологии.

Отметим самостоятельную значимость четырех Приложений, данных в работе, среди которых особую *лингвистическую ценность* представляют собой «Материалы к словарю исторических корневых гнезд русского языка XVII века», отражающие 3117 употреблений сложных слов из 42 текстов 9 языковых личностей первой половины семнадцатого столетия.

В ходе рецензирования возникли замечания и вопросы, которые касаются частных и не затрагивают принципиальных положений.

1. Во втором и третьем параграфе персоналии объединяются по социальному положению, тогда как в четвертом выдвигается иной критерий – их «выход за пределы государства и возвращения в него обратно по своей воле» (с. 149). В то же время здесь тексты представителей иных сословий (два купца и черный дьякон), но даже не это главное. Вопрос состоит в том, какие смысловые различия предполагал получить исследователь и получил ли в результате изучения, оговаривая новый критерий?

2. При анализе образной составляющей утверждается, что некоторые слова, например «“Око” (очи, глаза, зрение вообще) и “ухо” (и слышание вообще)» (с. 105), рассматриваются как ключевые. Предполагая культурную значимость таких слов, автор считает, что «их содержание условно классифицируется на «ядерную» реализацию и «периферийную» через семантическую смежность привлеченных в паремиях слов» (Там же). Аналогично на с. 95–96, с. 119, 135, 136 и др. Каким образом осуществляется разделение содержания ключевых слов на «ядерную» и «периферийную» реализацию? И какие стороны это разделение открывает для характеристики языковой личности?

3. Представляется, что разноаспектный анализ, который и предпринял А.В. Загуменнов по отношению к текстам разных авторов, логически требует каждое описание завершить обобщением, привести в некоторое единство по крупнице собранные «смыслы», которые пусть и с различной степенью полноты, но отражали бы общую характеристику языковой личности. Однако этого нет, что создает впечатление незавершенности и затрудняет сопоставление различных языковых личностей. Тем более, что в выводах по второй главе сопоставление проводится лишь по отдельным элементам.

4. Возможно, это объясняется стремлением исследователя к четкости, но все же, думается, даже это не должно приводить к шаблонности. Тогда как каждый новый блок рассуждения открывается одинаковыми фразами, например: «Данный пласт сложных слов был распределен по трем типам, среди которых первый – бытийный»; «Узел III. Наступает последний этап моделирования» и т.д.

Подводя итоги, отметим, что *все положения, вынесенные автором на защиту*, получили в тексте диссертации полное и аргументированное обоснование, раскрыты на значительном квалифицированно проанализированном фактическом материале.

Достоверность результатов исследований заключается в том, что выдвигаемые теоретические положения опираются на достижения отечественного и зарубежного языкознания в области теории языка, философии, истории русского языка, теории текста, базируется на анализе обширного языкового материала текстов русских авторов первой половины XVII века.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

– предложенная модификация модели языковой личности, учитывающая специфику текстов отдаленной исторической эпохи, может найти применение при изучении не только текстов первой половины XVII века, но и других исторических периодов;

– материалы исследования могут быть использованы в научных трудах и в практике преподавания, включены в учебные пособия по языкознанию, истории русского литературного языка, лингвистическому анализу текста, лексикологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, филологической герменевтике;

– предложенные в Приложении материалы к словарю исторических корневых гнезд русского языка XVII века, доработанные соответствующим образом, могут быть опубликованы в виде словаря.

Личный вклад соискателя состоит в обосновании собственной позиции по отношению к теории, методологии и методам изучения, актуальным для исследования; в разработке модели языковой личности для диахронического применения; в непосредственном сборе и описании языкового материала; в апробации результатов на 14 научных конференциях и семинарах (международных – 11, всероссийских – 2, региональных – 1); в публикации 44 работ (общим объемом – 14,38 п.л.), 7 из которых входят в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства и науки РФ (3,9 п.л.).

Анализ диссертации, автореферата, основных публикаций автора позволяет сделать вывод, что А.В. Загуменнов выполнил самостоятельное и новаторское исследование, заметно пополнив новыми знаниями область частной историографии при обосновании времени формирования теории языковой личности, лингвоперсонологии при аргументации методологических основ структуры языковой личности и область истории русского языка.

Диссертационное исследование Александра Владимировича Загуменнова «Русская языковая личность первой половины XVII века в аспектах трансляции, коммуникации и интерпретации (на материале разножанровых текстов эпохи)» является завершённой, самостоятельной работой, которая соответствует паспорту специальности 10.02.01 – Русский язык и паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка и критериям, указанным в параграфе

II «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного в новой редакции Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени *кандидата филологических наук* по специальности 10.02.01 – русский язык и по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Отзыв подготовлен Симашко Татьяной Васильевной, доктором филологических наук (специальность 10.02.01), профессором, профессором кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области

Отзыв обсужден и утвержден в качестве официального отзыва ведущей организации на заседании кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области 31 января 2019 г. (протокол № 6).

Симашко Татьяна Васильевна

Доктор филологических наук (специальность 10.02.01),
профессор, профессор кафедры общего и германского
языкознания Гуманитарного института филиала
Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова» в г. Северодвинске
Архангельской области

31 января 2019 г.

Адрес организации:

163002 Россия, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, 17
Официальный сайт: <http://narfu.ru/> Тел.: (8182) 65-10-44
164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6.
Тел.: 8(8184) 53-95-69. Факс: (8184) 53 95 70.

Симашко Т.В.
Специалист отдела кадров
Гунов А.А.
(расшифровка подписи)
20 19 г.